

Доктор Фред Патнэм, Псалмы, лекция 4

© 2024 Фред Патнэм и Тед Хильдебрандт

Это четвертая и последняя презентация доктора Фреда Патнэма по книге Псалмов. Доктор Патнэм.

Добро пожаловать на нашу четвертую сессию. Я хотел бы очень кратко вернуться к чему-то, что я как бы оставил в подвешенном состоянии в конце третьей части. И это вопрос многих псалмов, которые весьма беспокоят христиан. Когда я был в большой церкви в Филадельфии, мы ответственно читали Псалтирь каждые три года.

И однажды я случайно заметил, что, читая, мы подошли к тому моменту, где нужно было читать Псалом 137, и пропустили его. И я пошел к секретарю церкви и сказал: почему мы это пропустили? И она сказала: ну, вы знаете, мы поем «Глорию Патри» после того, как прочитаем псалом. И я не думаю, что нам следует говорить, каким блаженным будет тот, кто схватит и разобьет ваших малышей о скалу.

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу. Ну, я не хотел вступать с ней в долгий спор, но я думаю, что это своего рода ответ христианина на псалмы, которые призывают Бога делать довольно неприятные вещи с их врагами, например, Псалом 35, который просит, чтобы Господь привлек поднять копье и боевой топор навстречу тем, кто преследует псалмопевца, или чтобы ангел Господень погнал их так, что путь их темен и скользок, и чтобы Господь фактически погубил их. Итак, мы говорим: что же в мире? Как мы можем молиться об этом? Ну, на это было много откликов.

Некоторые люди говорили, очень известные люди говорили, что это субхристианские вещи, христианам не следует их использовать. Они являются выражением более ранней эпохи духовности. К.С. Льюис был одним из тех, кто сказал это.

Другие люди говорили: ну, на самом деле это отражение своего рода волшебного мира, где они верили в колдовство, а слова имеют силу и будут влиять на своих врагов. Ну, помимо всего этого, это правильный вопрос. Если Священные Писания полезны, хороши и полезны, полезны для нас, или, может быть, лучше сказать, что если они полезны для Бога, то это инструмент, который Он может использовать в нас, что нам делать с псалмами, призывающими к уничтожению врагов наших или псалмопевца, врагов поэта? Что ж, позвольте мне дать пару, постарайтесь сделать это очень быстро, пару быстрых предложений.

Во-первых, я думаю, что подобные молитвы об уничтожении врагов встречаются не только в псалмах. Их можно найти во многих отрывках Священных Писаний, включая даже самого Христа, Матфея 7:23. Он скажет: отойдите от меня, злодеи, я никогда вас не знал. То есть он отправит их в ад.

В апостолах и писаниях Павла есть места, где он определенно говорит, что да будут они прокляты. Даже в устах небесных душ, под жертвенником в Откровении 6, они спрашивают Бога: сколько времени пройдет, прежде чем Ты отомстишь за нашу кровь? И вот они, они на небесах, они должны быть идеальными, верно? Что ж, если они идеальны, они взывают к мести. Это должно вызвать едва ли не более серьезную проблему, чем наличие проклятий в Псалтири.

Я думаю, это показывает, прежде всего, что идея молиться Богу о мести или возмездии нашим врагам в Библии повсеместно распространена. Это повсюду в Писании. Мы находим это даже в молитве Господней, поскольку пришествие Царства Господня повлечет за собой уничтожение тех, кто не является частью этого Царства.

Это концепция, от которой очень трудно уйти. Позвольте мне предложить несколько причин или способов подумать об этом. Один из них - К.С. Льюис, хотя он и сказал, что это были проявления субхристианской морали, но также сказал, что они показывают нам, что библейские поэты относились к злу гораздо серьезнее, чем мы склонны.

Есть некоторые виды зла, о которых мы не молимся за новообращенного, мы просто молимся об уничтожении самого зла. Я думаю, что в наше время нам нужно об этом помнить. Когда мантра нашего общества гласит, что все одинаково значимо и нет настоящего правильного или неправильного, эти Псалмы говорят: нет, есть неправильное.

А когда что-то неправильно, то оно настолько неправильно, что достойно осуждения и достойно только уничтожения. Второе соображение заключается в том, что ни в одном из этих случаев этого не происходит, ну, есть одно исключение, Псалом 41:11, но во всех других так называемых проклинающих псалмах псалмопевец никогда не просит о силе для себя или о способности побеждать своих врагов или о том, что Бог поможет ему сделать с ними все, что угодно. Да, он молится, но потом он просто оставляет результаты Богу.

И в каждом из этих случаев псалмы заканчиваются, как мы видели ранее, этим выражением уверенности и обещанием, что они исполнят свой обет, или прославят Господа в собрании, или чем-то еще. Третье, что следует учитывать, это то, что, когда Господь призывает Авраама, Он говорит, что проклянет тех, кто на самом деле обращается с Авраамом легкомысленно или оскорбляет его. В

проклинающих псалмах врагами псалмопевца являются те, кто нападает на псалмопевца.

В каждом случае псалмопевец заявляет о своей невинности и говорит, что на меня нападают без причины. На самом деле они нападают на меня без причины. Они спрашивают меня о вещах, о которых я не знаю.

И это результат заветного проклятия, заключающегося в том, что творящие зло столкнутся со своим злом, которое они совершили. И проклятия, которые псалмопевец или они на самом деле не являются проклятиями, это молитвы о суде, которые псалмопевец предлагает Богу, — это просьбы о том, чтобы Бог был верен своему характеру и чтобы он поддерживал дело справедливости. Потому что Бог, помимо всего прочего, является судьей.

Кроме того, когда мы рассматриваем некоторые из них, я сейчас думаю конкретно о 35-м Псалме. Там сказано, что восстают злонамеренные свидетели и спрашивают меня о том, чего я не знаю. Они платят мне злом за добро.

А он говорит, что на меня клеветают без причины. В 19-й главе Второзакония есть очень интересное положение. Во Второзаконии 19, в конце главы, мы читаем это.

Если кто-нибудь обвинит своего брата в преступлении или грехе, которого он не совершал, то обвинитель получит наказание, соответствующее этому преступлению. Эти люди выдвигают обвинения против поэта. В каждом случае, во всех этих псалмах, присутствует какое-то словесное обвинение.

Слышим мы это в стихотворении или нет, обвинение есть. Они обвиняют его. Они обвиняют его, говорит он, ложно.

В завете говорится, что лжесвидетели получают такое же наказание, как и виновные, если они виновны в этом преступлении. Итак, он просто говорит Господу: соблюдай свой завет. Интересно, что он даже не пытается сделать это сам.

Он не подает на них в суд. Он просто говорит: Господь, будь верен Своему слову. Вот я думаю, что, читая проклятия в Псалмах, эти призывы к суду, нам нужно помнить, что они являются обращениями к Богу как к праведному судье.

Бог не меняется, природа Его справедливости не меняется, ни его отношения со своим народом, ни его отношения с нечестивыми. Могут ли люди Божьи молиться такими молитвами? Я сам считаю, что это очень трудный вопрос, потому что часто, когда я испытываю искушение помолиться им, во мне смешивается слишком много моего собственного опыта, что я хочу отомстить

или что-то в этом роде за какое-то зло, которое, как мне казалось, было совершено. . Но они кажутся уместными просто потому, что являются частью канона.

Мы не игнорируем их и не уходим от них. Вместо этого мы иногда говорим: да, Боже, об этом уместно молиться, потому что только Ты можешь установить справедливость, которая должна свершиться. Мне хотелось бы остановиться еще на одном главном вопросе размышлений о библейских стихах, а затем очень бегло рассмотреть Псалом 1. Это тот самый вопрос, о котором я говорил ранее во второй лекции, кажется, об образах.

Что нам делать с этими изображениями? Позвольте мне прочитать вам пару стихов. Псалом 18, стих 2: Господь — моя скала, моя крепость и мой избавитель. Мой Бог — моя скала, в которой я нахожу убежище, мой щит и рог моего спасения, моя твердыня.

Приклони ко мне ухо твое, это Псалом 31 стихи 2 и 3. Спаси меня скорее, стань для меня крепкой скалой, твердыней для спасения меня, ибо Ты моя скала и моя крепость. Поклоняется ли Давид камням? Возможно нет. Это сделало бы его литологом.

На самом деле у нас мало что из этого одобрено в Библии. Давида, конечно, никогда не побивали камнями за то, что он поклонялся камням. Извините за каламбур.

Итак, что здесь происходит? Что ж, мы все интуитивно понимаем, когда кто-то использует фигуру речи. Итак, кто-то говорит: как у тебя дела сегодня? О, я побит. Или я смертельно устал.

Или я мог бы просто заплакать. Ну, может быть, ты мог бы просто поплакать, но ты не мертв, если отвечаешь на вопрос. Если у вас нет полос на спине, вас, вероятно, тоже не били.

Итак, мы просто обрабатываем эти вещи, даже не осознавая, что используем изображения, что мы используем так называемые метафоры. Причина, по которой мы это делаем, заключается в том, что нашему разуму сложно справиться с вещами, которые не могут справиться с вещами, которые находятся за пределами наших чувств. То есть мы не можем прикоснуться.

Так как же нам говорить об истине? Как говорить о добре? Ну, очень сложно говорить о чём-то абстрактном. И довольно скоро, если вы зададите вопрос, что значит добро? Попробуйте это в разговоре. Довольно скоро до меня дойдет, хорош ли этот поступок? Или это действие плохое? Или это произведение

искусства хорошее? Или оно очень быстро станет конкретным, потому что нам трудно справиться с вещами, которые мы не можем потрогать или увидеть.

Что ж, одна из вещей, которую мы не можем потрогать или увидеть, — это сам Бог. Итак, Библия использует много, много, много, много образов Бога. И даже во втором стихе Псалма 18 мы имеем это, все эти образы: скалу, крепость, избавителя, скалу, убежище, щит, рог спасения и твердыню мою.

Боже мой, это список покупок или что происходит? Что ж, вот очень короткий и, надеюсь, простой способ думать об изображениях. Мы можем использовать метафоры, чтобы понимать вещи, которые мы не можем физически постичь или увидеть, потому что за использованием метафор, таких как скала, крепость и скала, скрывается фундаментальная метафора, которая намного больше и охватывает все то, что мы могли бы назвать литературными метафорами. на первый взгляд, это то, о чем говорится в тексте. Так что это за скала? Ну, в вашем переводе может быть написано «рок».

Этот камень невозможно поднять, переместить, перевезти или снести бульдозером. Это могло бы быть взорвано. Возможно, вы и сможете взорвать его динамитом, но вы ничего с ним не сделаете.

Напротив, это очень высокое место. Если вы когда-нибудь видели фотографии свитков Мертвого моря и видите, насколько круты эти вадии, эти долины, ну, вот о чем говорит Дэвид. Если вы находитесь на вершине одного из них, вы в безопасности.

Когда Давид украл кувшин с водой и копье у Саула, говорится, что он перешел дорогу, а затем они с Саулом перекрикивались друг с другом. И вы думаете, подождите секунду, если они находятся на расстоянии крика, почему бы Саулу просто не послать небольшую группу парней, чтобы они подкрались к Дэвиду? Потому что, если вы когда-нибудь посмотрите на эти фотографии пустыни Иудеи, где был Давид, вы увидите, что ему пришлось бы посылать людей со всего края этой длинной крутой долины. Стены долины слишком круты, чтобы на них можно было подняться.

Единственный способ попасть в пещеры, где были найдены свитки Мертвого моря, — это по веревкам сверху. Они не смогли подняться. Вы не могли подняться наверх.

И вы, конечно, не сможете подняться наверх, если у вас есть лук, несколько стрел, копье, копье, меч и щит. У тебя никогда не получится. Они просто кинут на тебя пару камней, и на этом все закончится.

Итак, Дэвид находится на вершине этой скалы. Он в полной безопасности. Саул не может добраться до него.

Он настолько далеко, что копье, которое имеет довольно короткую дальность действия, поскольку это довольно тяжелое оружие, не может достичь копья. И это ночь, поэтому никто не может ни стрелять, ни бросать. Так что ему не о чем беспокоиться.

А затем говорится, что когда Саул попытался пойти за ним, Давид и его люди ускользнули. Они просто ушли на другую скалу. Ну, вот о чем он говорит.

И то же самое, когда он говорит о крепости. Это форт. На самом деле это не крепость в смысле, не подумайте о замке крестоносцев.

Это укрепленное место, место, которое является естественным оборонительным местом, которое было построено. Может быть, у него были камни, чтобы заполнить трещины, или, ну, знаете, тот проход. Да, его защитный уровень был повышен, чтобы использовать военный язык.

Так что теперь это настоящее убежище, как он и говорит: мой Бог — моя скала, в которой я нахожу убежище. Еще один вид камня. На этот раз речь пойдет о скале.

А если ты на вершине скалы, никто за тобой не пойдет. Они не могут добраться до вас. И даже щит, если ты за щитом, ты в безопасности.

Это происходит только тогда, когда вы находитесь перед щитом или рядом со щитом, или ваш щитonosец роняет щит. Вот тогда у тебя проблемы. Или, если ты слишком высокий и твоя голова торчит, как у Голиафа, у тебя тоже проблемы.

И Бог также, говорит он, моя крепость, моя цитадель, как можно сказать в некоторых переводах. Что ж, вы видите, что общего у всех этих людей — это действительно крутая идея о том, что Бог — это безопасное место. Мы бы даже сказали, что Бог — это безопасное место, или самое безопасное место, или что-то в этом роде.

Но вы видите, это как фундамент. И поскольку это правда, благодаря Богу мы можем думать о Боге как о безопасном месте. Теперь внезапно Дэвид может использовать любое слово, обозначающее безопасное место, утес, утес, крепость, твердыню, неважно, даже щит.

Фактически, мы находим тот же образ, совсем другой, но ту же основную метафору в Псалме 131, когда псалмопевец говорит о том, как он превращается

в отнятого от груди ребенка, сидящего на коленях у матери. Это безопасное место. Что такое колени твоей матери? Мы думаем, что отлученный от груди ребенок, зачем отнятому от груди ребенку? Потому что ребенок хочет молока.

Нет, он от груди, молоко ему не нужно. Оно здесь не для еды, а для комфорта, защиты, прижимания к себе или чего-то еще. Это не бытие, это тот же основополагающий образ.

Итак, когда мы смотрим на метафоры, мы хотим спросить себя: что скрывается за этим? Видите ли, долгое время было популярно думать о метафорах в таких терминах. Бог — моя скала. Чем Бог похож на скалу? Ну, во-первых, мне нужно знать, о каком камне мы говорим.

И тогда чем Бог похож на такой камень? Надежный, безопасный, надежный и т. д. Ладно, все это правда. Но видите, что происходит, когда мы начинаем думать в терминах фундаментальных метафор: теперь мы видим, что все эти отдельные утверждения вообще не являются отдельными утверждениями.

Это ветви дерева, которые выходят из корня, а корень — это то, что скрепляет все это. Это истории небоскребов разных уровней. Но метафора, фундамент, это фундамент.

Раньше я наблюдал в Филадельфии, когда строили одни из самых высоких, а сейчас и самые высокие небоскребы. И было удивительно, как далеко им пришлось строить, и сколько сотен, сотен и сотен этих гигантских бетоновозов опускались и просто выбрасывали бетон, а затем снова поднимались за новыми. Это была бесконечная процессия.

Что ж, если у вас есть такой фундамент, вы можете построить на нем практически все, что угодно. И вот что происходит. У нас есть идея, что Бог — это место.

Это очень странно для нас, потому что в нашей культуре мы, конечно, думаем о Боге как о личности. Но подумайте о библейских временах. Вы никогда не знали, когда амаликитяне могут пересечь холм, напасть на ваш дом и уничтожить вас или уничтожить все, что у вас было, и взять вас и вашу семью в рабство.

Вы никогда не знали, когда могут прийти арабы, или племена Востока, или аммонитяне, или моавитяне, или кто-нибудь еще. Поэтому безопасные места были для них очень важны, решающими. Для нас это не столь критично, особенно в США, мы не живём в укрепленных городах.

На самом деле, у нас даже нет городских стен, за исключением, кажется, единственной такой стены в Северной Америке — Квебека. По крайней мере, это единственный, о котором я знаю. И это только старая часть, когда это был французский форт.

Что ж, тогда метафора — это то, о чем нам нужно подумать не только с точки зрения того, что означают эти слова, но и с точки зрения того, что они могли означать в их культуре. И что тогда лежит в основе этого? Потому что именно проникновение в суть вещей придает этому значение и для нас. Видите ли, позвольте мне немного расширить это.

Подумайте о нашей культуре. Знаете ли вы, что в любом собрании людей, например в церкви, по крайней мере, каждая четвертая женщина в этой церкви подвергалась насилию? Сейчас, и много раз, через родительскую фигуру, отца или отчима. Теперь у нас может возникнуть искушение сказать, что кто-то вроде этого может сказать: знаете, я просто не могу думать о Боге как о своем отце.

Извини. Я не хочу этого слышать. И я читал консультантов, которые говорили, что это сложно.

Они должны преодолеть это. Так говорит Библия. Бог — твой отец.

Вам придется с этим жить. Или Бог — царь. И это еще одна фигура отца, авторитетная фигура.

Бог — судья. И они просто, они не хотят иметь с этим ничего общего. Что, если бы мы вместо этого сказали: хорошо, Бог как Отец — это только одно окно в то, кем является Бог.

Это только одна метафора. Это не буквальное заявление. Бог не является отцом в буквальном смысле, каким был ваш физический отец.

Нет, это окно, которое дает нам представление о некоторых аспектах того, кем является Бог. Как насчет этого? Бог — это безопасное место. Ну, те люди, которым нужно безопасное место, есть люди, которым безопасное место нужно гораздо больше, чем отец.

И возможно, по мере того, как они узнают Бога как место, куда они могут пойти и быть в безопасности, однажды они также придут к тому месту, где смогут сказать, что Бог также является их отцом, или их царем, или Господь или судья. Потому что Библия использует подобные образы, чтобы помочь нам понять то, чего мы не можем понять. Если подумать, метафора подобна окну, но, в отличие от обычного окна, вы не можете подойти к нему, высунуть голову и оглядеть всю комнату.

Заглянуть внутрь можно только с одной позиции через маленькую узкую щель. И через эту узкую щель вы получаете лишь очень ограниченный обзор комнаты. Ну, в некоторых комнатах пять или шесть окон, поэтому вы можете видеть части комнаты повсюду, но вы никогда не сможете увидеть всю комнату.

Даже если сложить их все, вы не увидите всю комнату. И подумайте об этом: Бог — это бесконечная комната. Итак, если вы прочитаете все метафоры в Библии от Бытия до Откровения и запишите каждую метафору Бога, вы даже не начнете исчерпать метафорические возможности того, кем является Господь.

И псалмопевец с удовольствием исследует это. Итак, они не будут говорить только о Боге как о судье. Псалом 98, я уже говорил ранее в первой лекции, что именно на этом основана радость мира.

В чем весь смысл 98-го псалма? Что Бог приходит как судья. Он будет судить мир. Итак, что происходит? Творение отвечает аплодисментами, поклонением и пением.

И мы призваны ответить поклонением и пением. Из-за того, что сделал Бог, да, стихи с первого по третий Псалма 98, но из-за того, что Бог собирается сделать как судья. Вы говорите: подождите секундочку, но это еще не все, что Бог собирается сделать.

Он также будет Спасителем. Это верно. Он будет Спасителем.

Он будет избавителем. Он будет всем, что говорит о нем Библия, и даже больше, за пределами наших самых смелых мечтаний. Но это то, чем он будет, что он есть сейчас, что он будет, точно так же, как он также является безопасным местом.

Итак, поскольку это правда, Дэвид может играть со всеми известными ему безопасными местами. И он может перечислить их всех в этой, почти этой, этой симфонии безопасности. И его цель, часть его цели — ошеломить нас идеей, что Бог в большей безопасности, чем что-либо, что-либо, что вы можете себе представить.

Что ж, мы можем подумать об этом: существует множество метафор, касающихся не только Бога. Я имею в виду, что существует множество метафор о людях. Мы пыль, мы растения.

Подумайте обо всех стихах, таких как Псалом 90, где он говорит, Псалом Моисей говорит, что утром они подобны траве, которая прорастает заново. Утром он расцветает и дает ростки заново. К вечеру оно бледнеет и засыхает.

Люди — растения. Это еще одна метафора. Бог — это безопасное место.

Люди — растения. Люди — это тоже другое. Но люди — растения.

А знаете, что справедливо для растений? Растения растут, плодоносят, перестают плодоносить, умирают, гниют. Эй, похоже на человека, не так ли? Фактически, когда он говорит об образе людей как растений, травы, которая утром вырастает, а вечером увядает, он на самом деле объединяет две разные фундаментальные метафоры. Во-первых, жизнь — это день, от восхода до заката, и это все, что вы получаете.

А люди — растения. Теперь мы могли бы поговорить о том, какие растения в Израиле вырастут после наводнения, они вырастут и прорастут очень быстро. И через неделю-две они исчезают полностью.

Вы даже не узнаете, что они были там. Они растут, цветут, опыляются и умирают. Ну да, он об этом и говорит.

День здесь метафоричен, но этот день также является метафорой жизни. Итак, подумайте об этом. Если жизнь — это день, и в конце дня мы ложимся спать, то, возможно, смерть — это сон.

Итак, когда Библия говорит о смерти как о сне, Иисус говорит о Лазаре в Иоанна 11 или Павел говорит о воскресении в 1 Коринфянам 15, они не пытаются смягчить последствия смерти. Вот что такое смерть, чтобы увидеть, что такое смерть. Мы не можем это описать.

Мы не знаем, что это такое. Все, что мы знаем, это то, чем это не является. Это не жизнь, да? Жизнь останавливается, ты мертв.

Хорошо. Что теперь? Ну, больше ничего сказать по этому поводу мы не можем. Итак, метафора смерти как сна дает нам повод, опыт, который мы можем связать с чем-то, чего не можем испытать.

Ну, вы понимаете, я говорю здесь не о теологии. Итак, если жизнь — это день, и, извините, что тыкаю пальцем, если жизнь — это день, а смерть — это сон, то когда мы ложимся спать ночью, мы с вами ожидаем, что проснемся на следующее утро, а на следующее утро проснёмся. вверх — воскресение. Это новый день.

И на самом деле, из Откровения мы узнаем, что это новый вид дня, когда ночей больше не будет. Итак, немного церковно-исторических фактов. Греки хоронили

своих умерших в Некрополе, городах мертвых, Некросе мертвых, городе Паулюса, городах мертвых.

Христиане начали хоронить своих умерших. Отец ранней церкви, мне никогда не удавалось найти эту цитату или это описание, сказал: «Христиане не хоронят своих мертвецов в Некрополе». Христиане хоронят своих мертвецов на кладбищах, то есть в казармах, потому что христиане — это солдаты, которые просто спят в ожидании трубы своего генерала, самого Господа, чтобы призвать их на битву.

И именно поэтому христиан хоронят на кладбищах (это же слово просто заимствовано из греческого), а не в Некрополях. Вы видите метафору жизни как дня, смерть — это сон, это похоже на большие раскопки в Бостоне, туннель под городом, о котором, когда он будет закончен, никто никогда не узнает, что он ходит по поверхности. Это как гигантский фундамент огромного небоскреба, которого совершенно не видно, но без него небоскреб рухнет.

Вся Библия наполнена ими. Поверьте, я мог бы говорить о них часами и днями, но я собираюсь двигаться дальше. Я хотел бы кратко взглянуть на Псалом 1. Псалом 1, я знаю, очень знакомый псалом, и я смогу указать только на несколько вещей, но я хочу показать вам, с чего начинается часть этого. выглядеть так, как если бы мы собрали это, внимательно рассматривая текст.

Псалом 1 начинается очень хорошо: «Блажен человек, который не ходит на совет нечестивых, не стоит на месте ругателей и не сидит на месте насмешников». Позвольте мне предложить это. Эти три предложения параллельны в английском языке, они параллельны и в иврите.

Там есть небольшой хиазм, но по сути они параллельны. Все они используют одну и ту же форму глагола, на самом деле, очевидно, разные глаголы. И я думаю, что в этом случае, когда мы думаем о метафоре, используемой в первом стихе, на самом деле происходит небольшой неправильный перевод.

В третьей строке есть существительное, которое обычно переводится как «сидение». Это существительное мошав происходит от глагола яшав, который часто означает «сидеть». Но самое интересное в этом существительном то, что только один или два раза оно означает место.

Почти каждый раз, когда это слово встречается в Библии, оно означает место, где живут люди. И обычно переводится как жилище или жилища. И глагол, переведенный как «сидеть», также может означать «жить», «селиться» или «населяться».

Успокоиться. Итак, что же происходит в первом стихе? Возможно, он говорит вот о чем. Возможно, метафора заключается в том, что жизнь — это путешествие, и то, где вы окажетесь, зависит от того, с чего вы начинаете.

Итак, как начать свое путешествие? Если вы собираетесь завтра отправиться в путешествие в место, где вы никогда не были, вы обычно делаете это, ну, я думаю, сегодня вы заходите в Google и ищете онлайн-карту, но мы обычно делаем это, ища карты или спрашивать людей, были ли вы когда-нибудь в Скрэнтоне или где бы он ни был? И как лучше туда добраться? Ну и посмотрите, с чего этот человек начинает или не начинает. Он не начинает с того, что идет к нечестивцам и просит у них совета. Вот что такое совет, совет.

Он не там начинается. И поскольку он не начинает с такого рода совета в своем путешествии, он в конечном итоге не идет по пути или пути грешников, которым идут грешники. И когда он добирается до места, где собирается поселиться, он не поселяется в месте, населенном насмешниками.

Теперь вы можете спросить, действительно ли это так важно? Я имею в виду, какая разница между сесть и успокоиться? Что ж, я думаю, что сидение ускользает от сути метафоры и притупляет ее. И вместо этого метафора о том, что жизнь — это путешествие, напоминает нам, что мы находимся в путешествии. Знаете, причина такой основополагающей метафоры, как «жизнь — это путешествие», заключается в том, что мы с вами не можем представить себе жизнь, нашу жизнь.

Мы можем думать о событиях. Мы можем думать о надеждах, стремлениях и разочарованиях. Возможно, мы можем думать о достижениях, но на самом деле мы не можем воспринимать свою жизнь как вещь.

Моя жизнь, твоя жизнь. Поэтому вместо этого мы говорим о жизни как о путешествии. Мы используем его постоянно.

Мы говорим: «О, он пошел в обход или эта работа зашла в тупик». Или она просто наткнулась на лежащего полицейского на своем пути. Или где вы надеетесь оказаться? Какова твоя цель? Как ты собираешься туда добираться? Идея о том, что жизнь — это путешествие, настолько фундаментальна для нашего образа мышления, что мы даже не осознаем, что это метафора.

На самом деле, часто, если вы читаете книгу о поэзии, которую я очень рекомендую, очень рекомендую прочитать что-нибудь, что поможет нам лучше читать стихи. Но если вы прочтете книгу о поэзии, там будут говорить о мертвых метафорах. Но на самом деле метафоры не умерли.

Эту метафору используют так часто, что мы даже не осознаем, что это метафора. Это значит, что он не умер. Он просто затоплен.

И чем более мертвым оно кажется, тем важнее оно для нашего образа мышления. До тех пор, пока самые основные из них не станут метафорами, о которых мы даже не подозреваем. И я думаю, именно это и происходит в первом стихе.

И причина, по моему мнению, в том, что если вы посмотрите на шестой стих, шестой стих заканчивается так, или стихотворение заканчивается так, ибо Яхве знает путь праведных, а путь нечестивых погибнет, или погибнет, или погибнет. . Он говорит о жизненном пути. Он говорит не просто об образе жизни, а о реальном пути, по которому мы идем.

Итак, метафора в начале и в конце отражает метафору в начале. Это *inclusio*, точно так же, как мы видели в Псалме 113, но совсем другого рода, не так ли? Это не те же слова. Это та же самая картина.

Это та же фундаментальная метафора. Но затем в 1-м Псалме он делает что-то очень интересное. Он переключается, меняет то, что он делает. Теперь я собираюсь смешать здесь кое-что из иврита.

Извини за это. Просто так оно и есть. Означает ли это, что вы не сможете понять Псалмы, если не знаете иврита? Что ж, вы можете их понять, но я обещаю, что вы не оцените их так же.

Итак, у вас осталась жизнь. Есть время учиться. А если вы думаете, что не сможете этого сделать, то по Иерусалиму бегут всякие трех- и четырехлетние дети, которые бегло говорят на иврите.

Если они могут это сделать в три и четыре года, вы сможете сделать это и во взрослом возрасте. Я знаю, что это умное заявление. Извини.

Во втором стихе говорится: «Но в законе Господнем радость его, и о законе Его он размышляет день и ночь». Что здесь поразительно, так это то, что он поворачивается от того, чего человек не делает, к тому, что человек делает. И делает он это двумя разными способами.

Между первым и вторым стихами есть разделение, которое происходит фактически тремя разными способами. Один из способов — это просто содержание слов, то, что мы могли бы назвать их семантической ценностью. Если вы посмотрите слова в словаре, разница между нечестивыми, грешниками и насмешниками в законе Господнем, там есть большая разница.

Что ж, в иврите очень часто, когда вы видите глагол *is* или *was* или что-то в этом роде в вашем английском переводе, там нет глагола. И это верно здесь, в строке А второго стиха. Итак, в первом стихе у нас есть три предложения с одинаковыми глаголами, а во втором стихе нет глагола.

Это должно сказать: эй, есть изменения. Помните, мы говорили о разрыве, есть разрыв. А затем, когда мы находим глагол «наслаждаться» во второй половине второго стиха, это другое спряжение глагола.

Это другая форма глагола. Таким образом, второй стих выделяется как грамматически, так и по содержанию. Вы также можете подумать: ну откуда мне знать это по-английски? Вы правы, вы не можете знать все это на английском языке.

Некоторые из этих вещей видимы, некоторые невидимы, а некоторые зависят от перевода, на который вы смотрите. Разные переводы раскрывают разные моменты. Итак, он говорит нам, что этот человек медитирует, или бормочет, или повторяет, или бормочет, или что-то в этом роде.

Какое-то интересное слово, которое снова нужно перевести. Но, похоже, причина, по которой слово «медитация» переведено, заключается в том, что оно, похоже, имеет идею сказать что-то самому себе или произнести что-то себе под нос. Но затем мы подходим к третьему стиху.

Третий стих дает нам результат первого и второго стихов. И делает это очень интересным способом с помощью метафоры. И основная метафора здесь заключается в том, что люди — это растения.

Только на этот раз он не просто называет нас травой, он говорит, что этот человек — дерево. И он не просто дерево. И снова немного перевода.

В этом переводе говорится, что вы будете подобны дереву, прочно посаженному потоками воды. Интересная вещь. Глагол, переведенный как «твердо посажен», встречается в Библии всего несколько раз.

Почти каждый раз речь идет о взятии части растения, ее перемещении и посадке в другом месте, или о том, что мы бы назвали пересадкой. Это намеренное перемещение дерева из одного места в другое, чтобы оно росло. Вторая интересная вещь в этом предложении, в этом предложении, заключается в том, что слово, переведенное как потоки, или у вас могут быть каналы или что-то в этом роде, — это слово, которое обычно переводится как канал, или его также можно перевести как канава.

Это ручей, используемый для орошения. То есть это не естественный ручей. Это не ручей, речка или что-то в этом роде.

В любом случае в Израиле их не так уж и много. Это намеренно вырытая траншея, которую прокладывают там, где она есть, для того, чтобы поливать растения. Это что-то говорит.

И тогда он продолжает, я бы сказал, продолжает, он приносит свои плоды в свое время, его лист не вянет. Поэтому он расширяет метафору, рассказывая нам об этом дереве. Так почему же оно приносит свои плоды в свое время? Потому что о нем заботятся.

Видишь, ты это заметил. Человек, который не делает этих вещей, не проживает неправильный жизненный путь в первом стихе, но тот, кто размышляет над законом Яхве в учении во втором стихе, был пересажен в место, подготовленное для этого, чтобы он вырос так, что он будет в безопасности от перемен и превратностей погоды. Фактически, когда он там, он принесет свои плоды в нужное время, и его листья не завянут.

Видите ли, здесь есть что-то вроде культурной вещи. По крайней мере, в Северной Америке яблони теряют листья каждую осень. Так же как и периковые деревья, и, думаю, мандариновые деревья и тому подобное.

Но если вы говорите о других видах деревьев, например о некоторых цитрусовых деревьях, которые растут в тропиках или более тропических зонах, или о большинстве фруктовых деревьев Ханаана, Израиля и Палестины, они остаются зелеными все время. весь год. Они не сбрасывают листья. Поэтому, когда он говорит, что его лист не вянет, это не значит, что зима никогда не наступит.

Это значит, что в нем достаточно воды, чтобы он не засыхал. Если его листья завянут, дерево умрет. Вот что это значит в этой культуре.

Итак, утверждение, что его лист не увядает, означает, что дерево не умрет, потому что оно было предусмотрено. Итак, акт размышления над тем, что сказал Господь, приводит к переселению человека в место, созданное для того, чтобы он мог жить. Кстати, здесь есть еще одна основополагающая метафора: Господь — садовник.

Это тоже повсюду, да? Израиль — виноградная лоза, прочти книгу Иезекииля. Сколько раз Господь сажает виноградную лозу и сажает кусок кедра? Знакомо ли вам то, что Иисус говорит о себе как о лозе и о том, что собирается делать Отец? Каждая ветвь во мне, которая не приносит плода, будет... Итак, образ лежит в основе всего. Видите ли, именно это мне показалось действительно

интересным в мышлении с точки зрения фундаментальных метафор, а не конкретных метафор.

Потому что основополагающая метафора внезапно позволяет вам увидеть путь через все Писание и показать, как все эти вещи, которые вы чувствуете инстинктивно, о, они каким-то образом связаны, они связаны. Они связаны. Их роднит эта основа, которая лежит внизу и которая даже позволяет так говорить.

И, кстати, между прочим, есть еще более глубокая фундаментальная метафора Бога как садовника: Бог — это личность, потому что садовники — это люди, верно? Итак, это также играет и множество других ролей. Бог — царь, Бог — судья, Бог — правитель, Бог — воин, Бог — все что угодно. Что ж, продвинемся немного в 1-м Псалме. В 3-м стихе сказано так: во всем, что он ни делает, успеет.

Я не собираюсь сейчас спорить или говорить о богословии этого, потому что на данный момент это не является целью. Вы заметили, что во всех этих лекциях я на самом деле говорю о том, чтобы попытаться понять Псалом, прежде чем пытаться богословствовать или применять его. Если наше богословие и наше применение не вырастают из сочувственного понимания текста и поэзии, то, я думаю, на самом деле это застенчивое наслаждение, в самом тексте, это даже то, как он говорит, признательность.

Я думаю, что мы склонны неправильно применять и искажать теологию, потому что на самом деле мы не боролись с тем, что там говорится. Мы как бы забрали впечатление. Давайте вернемся к балансированию Т.С. Элиота.

Но здесь, в стихе 3, что очень интересно, в иврите есть целая куча способов образования глаголов. Я не знаю, как это быстро объяснить, но в английском языке мы используем вспомогательные глаголы. Итак, мы можем сказать, Джон бросил мяч Биллу, или мяч Биллу бросил Джон.

Итак, мы хотим сделать что-то пассивное, брошенное. Мы берем глагол to be и помещаем его форму перед другим глаголом. Это очень грубо, но идея такая.

Иврит этого не делает. Вместо этого они немного меняют гласные. Мы делаем это немного на английском языке.

Итак, мы говорим «бег против бега» или «плавание против плавания». Мы меняем гласную, но делаем это для изменения времени глагола. Иврит так делает, и это очень несправедливо.

Итак, если вы знаете иврит, вы поймете, что я жульничаю. Но иврит делает это, меняя гласную. Иврит меняет функцию глагола, меняя гласные и добавляя буквы спереди и сзади.

Что ж, все глаголы в Псалме 1, кроме одного, одинаковы, то, что мы называем основой. То есть у них один и тот же базовый набор гласных. Исключение составляет этот глагол в конце 3-го стиха. Причина и его название особого значения не имеют.

Дело в том, что у нас есть один глагол, который выделяется среди всех остальных своей формой. И этот глагол встречается в конце первой части Псалма, описывающей этого блаженного человека. Это еще один вид разрыва, который, я признаю, невидим в английском языке и очень очевиден в иврите.

Этот разрыв показывает нам, что разрыв между стихами 3 и 4, как мы знаем, является стихами 3 и 4, является намеренным и преднамеренным. На самом деле это встроено в самую ткань грамматики Псалма, в само стихотворение. Что ж, затем поэт продолжает и снова подхватывает идею о том, что люди — это растения, говоря о злых как о плевелах, о другом виде растений, о вещах, которые вам не интересны.

Вы хотите, чтобы ветер прогнал его. Вы не хотите, чтобы он на вас наехал, потому что он липкий и зудит. Если вы когда-нибудь стояли за пшеничным комбайном, вы знаете, на что это похоже.

И затем он говорит: нечестивые не устоят на суде, и грешники не устоят в собрании праведных. И тут видите ли, нам придется немного догадаться. Мы действительно не знаем.

Означает ли это, что он использует слово «стоять»? Он действительно собирается встать? Означает ли это, что если вы невиновны, вы предстанете перед судом? Но, по крайней мере, он говорит, что теперь он меняет метафоры, чтобы сказать, что есть судья, может быть, Бог — судья, а может быть, обвиняемыми являются люди. И тогда в конце, как я уже сказал, мы возвращаемся к этой картине, Господь знает путь праведных, а путь нечестивых погибает. И снова, на иврите, этот стих представляет собой еще один из этих перекрестов.

Там сказано: ибо познал Господа, путь праведных, путь нечестивых погибнет. Так глагол, глагол, и в самом деле, что тут такого крутого, это почти непередаваемо. Форма глагола, которую он использует в начале шестого стиха, представляет собой причастие, которое звучит так: ое .

Ладно, это гласные, оэ . Йодеа . Глагол, который он использует в конце, — это глагол, который говорит tovade , с теми же гласными, но без причастия.

Так почему же он использует причастие? Фактически, это только второе причастие, которое он использовал во всем псалме. Фактически, это единственное причастие-сказуемое, то есть единственное причастие, используемое в качестве глагола во всем псалме. Почему он использует там причастие вместо несовершенного вида или чего-то еще, что он мог бы использовать и что он использует в последнем стихе? Есть ли какая-то разница между тем, как Бог познает, и тем, как погибают? Или он хотел, чтобы звук был таким же? Честно говоря, я здесь на шаткой почве, потому что, знаете ли, гласные добавляются гораздо позже.

Но, по крайней мере, нам стоит подумать об этом. Это так тщательно организовано. Я думаю, мы должны сказать, что в этом есть какая-то цель.

Что ж, позвольте мне закончить. У меня есть около двух минут. Позвольте мне закончить, сказав это.

Я собирался, я думал, что у меня будет еще немного времени, но я намеревался прочитать вам стихотворение и потом сказать вам, что я три года думал об этом стихотворении, прежде чем начал его понимать. Я не буду вам это читать. Это стихотворение было написано Уильямом Батлером Йейтсом.

Есть и другие произведения Джерарда Мэнли Хопкинса, еще одного замечательного христианского поэта XIX века, которых я читал много-много-много раз, чтобы попытаться понять их. Вот вопрос. Какова роль терпения в понимании Библии? Наличие поэзии говорит: замедлите ход, подумайте, поразмышляйте, представьте.

Бог общается с нами таким образом, потому что, прежде всего, он знает, что это просто лучший способ передать некоторые идеи. Во-вторых, это лучший способ общения с некоторыми людьми. Но он также знает, что такое общение пойдет нам на пользу.

Что это заставляет нас тратить время на размышления. То есть, в конечном счете, вы можете сказать: ну, я не могу вспомнить все те вещи, о которых вы говорили: параллелизм, структуру и жанр. Я просто не могу.

Хорошо. Не беспокойтесь об этом. Просто сделайте это.

Напишите стихотворение на листе бумаги с пустой строкой между каждой строкой, а затем просто посмотрите на него и читайте вслух каждый день, два

или три раза в день в течение месяца. Это неделя, если у вас нет терпения. А затем начните делать заметки.

Каждый раз, когда вы говорите: «О, это слово звучит так же, как то слово», используйте цветные карандаши, начните рисовать линии и начните видеть связи. И произойдет следующее: вы увидите, что красота текста — это красота его послания. Это благословение, великое благословение — иметь привилегию читать, изучать и стремиться понимать слово Божье.

Спасибо. Это стихотворение я потратил около трех лет, время от времени перечитывая его, прежде чем наконец начал его понимать. И на самом деле только тогда, когда я это запомнил, у меня его больше нет в памяти.

Второе пришествие Уильяма Батлера Йейтса. Вертись и вертись в расширяющемся круговороте, сокол не слышит сокольного. Все идет под откос.

Центр не может удержаться. В мире царит чистая анархия. Окровавленная волна вырывается наружу, и повсюду затопляется церемония невинности.

Лучшим из них не хватает решительности, а худшие полны страстной интенсивности. Наверняка какое-то откровение уже близко. Несомненно, Второе пришествие уже близко.

Второе пришествие. Едва произнесены эти слова, как мое зрение тревожит огромный образ из Spiritus Mundi. Где-то в песках пустыни фигура с телом льва и головой человека, взгляд пустой и безжалостный, солнце медленно двигает бедрами, а все вокруг — настоящие тени негодующих пустынных птиц.

Тьма снова опускается. Но теперь я знаю, что двадцать веков каменного сна была доведена до кошмара качающейся колыбелью. И какой жестокий зверь, когда наконец настал его час, направляется в Вифлеем, чтобы родиться. Уильям Батлер Йейтс.